Иранская война и смена мировой системы

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Как бы в итоге ни завершилась иранская война, она в любом случае будет иметь долгосрочные последствия для всей системы международных отношений. Некоторые из них легко просматриваются уже сейчас.

Война на Ближнем Востоке и вызвавшие (и усугубившие) ее многочисленные противоречия пока остаются без разрешения, а общая модель компромисса между США и Ираном имеет лишь гипотетические очертания. Поэтому, разумеется, и делать какие-то далекоидущие выводы еще очень рано. Тем не менее уже сейчас можно с уверенностью подтвердить и развить высказанный нами ранее тезис: начавшаяся 28 февраля американо-израильская военная кампания будет иметь структурные последствия для всей системы международных отношений.

Иными словами, эта война войдет в историю как системная. Это не значит, что лишь она станет причиной ряда долгосрочных изменений в мировых делах. Во многом сама эта итерация ближневосточного конфликта явилась следствием и так набиравших обороты длинных тенденций в международных отношениях. И также это не значит, что с окончанием войны трансформационные процессы в мировой системе завершатся и система устаканится в каком-то устойчивом виде. Очевидно, преобразования продолжатся и дальше. Конца и края им пока не видно.

> Однако эта война на Ближнем Востоке не только заметно ускорила системные преобразования и ребром поставила перед многими странами болезненные вопросы, которые до ее начала они надеялись переждать. Она также определила ход некоторых будущих событий, которые без нее могли бы иметь иные векторы развития.

К этой теме аналитики по всему миру теперь будут обращаться еще долго. При этом дальнейшее течение войны наверняка принесет новые вводные. Пока же зафиксируем некоторые уже очевидные системные следствия.

США в мировых глазах

Когда претендующие на доминирующий статус в региональных или глобальных делах государства прибегают к военной силе, чтобы обосновать свои претензии в глазах других международных акторов, они всегда вступают на развилку. Если им удается получить быстрый и ошеломляющий противника результат, то окружающие – хотят они того или нет – начинают воспринимать эти претензии как легитимные, вынужденно относятся к ним с уважением. Даже если военные действия такого государства нарушают нормы международного права и являются глубоко аморальными.

Но если задуманная с позиции подавляющей мощи силовая акция не дает ошеломляющего эффекта, да еще и затягивается во времени, то результат получается прямо противоположным. Геополитические «акции» предпринявшего ее государства в восприятии окружающих стремительно теряют в цене.

Утверждая операцию «Эпическая ярость», Белый дом явно рассчитывал на первый сценарий. Пожалуй, опыт авиаударов по ядерным объектам Ирана в июне прошлого года и успех десантной операции в Венесуэле в январе этого года действительно сыграли с администрацией Дональда Трампа злую шутку. Некоторое головокружение от успехов, вероятно, стало дополнительной причиной, по которой переоценка собственных сил затмила рациональный анализ. И два месяца спустя это уже привело ко второму сценарию развилки: для всего мира очевидно, что США сегодня не имеют той превосходящей военной силы, которая позволяла бы на раз решать любые вопросы в ключевых, но находящихся за тысячи километров от Северной Америки регионах мира.

В условиях тотальной неизвестности относительно реальных силовых балансов в международных отношениях и неопределенности по поводу даже ближайшего будущего — это очень важная информация, которую моментально считывают во всех уголках планеты. Как бы дальше ни развивались события, главное уже случилось: слух о том, что король чуть-чуть голый, пошел.

И это намного более серьезная проблема, чем просто вопрос статуса и имиджа Вашингтона.

> В условиях неполной информации любой такой слух легко стимулирует крайности в интерпретации и восприятии. И если еще недавно мощь США в глазах мирового сообщества могла незаслуженно переоцениваться, то теперь она так же незаслуженно очень многими будет недооцениваться или ставиться под сомнение.

В результате сами Соединенные Штаты оказываются в ситуации, когда им нужно либо предпринимать экстренные масштабные усилия, чтобы еще больше поднимать ставки и доказывать собственную состоятельность в качестве супердержавы. Но это сопряжено с еще большими рисками и потенциально болезненными последствиями. Либо американским властям уже сейчас необходимо приводить свое международное поведение в соответствие с новым мировым восприятием себя после провала иранского блицкрига.

И первая, и вторая альтернативы крайне опасны, потому что стимулируют других геополитических акторов эксплуатировать эти проблемы, которые Вашингтон во многом создал собственными руками. В итоге растет потенциал для дальнейшей и еще большей дестабилизации, в том числе далеко за пределами Ближнего Востока. Возникают дополнительные соблазны воспользоваться текущими уязвимостями недавнего глобального гегемона, чтобы установить новые региональные балансы сил и правила игры.

Кроме того, растущая неопределенность по поводу реального соотношения сил в мире и возможностей США проводить активную военно-политическую линию вызывает у союзников Вашингтона на различных континентах естественный вопрос: насколько надежным и достаточным для их собственной безопасности остается тесное военно-политическое сотрудничество и союзничество с США? Тем более что в контексте ближневосточной войны практическое значение этого вопроса на себе быстро ощутили американские союзники в Персидском заливе и Европе.

И это вопрос, который теперь уж точно не сводится только к непредсказуемости политики Дональда Трампа. Ответ на него нельзя просто отложить в долгий ящик, надеясь переждать турбулентность. На фоне ближневосточных событий и вызванных ими мировых потрясений вопрос стал структурным. У давних союзников США наступило осознание того, что американские ресурсы и возможности ограничены – притом как количественно, так и политической волей задействовать их вне рамок приоритетных интересов Вашингтона.

Мир в американских глазах

Не менее глубокие трансформационные эффекты война на Ближнем Востоке будет иметь и внутри американского общества. Возможно, даже более далекоидущие. Так как внутренняя американская дискуссия будет реагировать не только на ближневосточные события, но и, главным образом, на описанное выше постиранское восприятие США в мировых глазах. Все дальнейшие вызовы, с которыми Вашингтон теперь дополнительно столкнется в международных делах, будут отражаться на внешнеполитическом дискурсе в США, изменять его более стремительно и амплитудно, чем раньше.

И дело совершенно не в том, как продолжающийся ближневосточный кризис скажется на внутриполитических рейтингах в США или как отразится на результатах промежуточных выборов в ноябре. Речь о куда более фундаментальном влиянии на американские общественные и элитные настроения и их будущей проекции на внешнюю политику.

> Уже более десятилетия у американских граждан и так рос спрос на внешнеполитическую экономность. То есть на такую международную деятельность собственного правительства, которая бы снижала издержки от ранее привычного статуса мирового жандарма.

Это во многом и привело к восхождению Дональда Трампа на вашингтонский политический олимп в 2016 году, а затем к его возвращению в Белый дом в 2025 году. В его лозунгах «Америка первична» («America First») и «Сделаем Америку вновь великой» («Make America Great Again») многие избиратели видели перспективу более сдержанной, сконцентрированной на собственных ключевых интересах внешней политики.

Внешнеполитическая повестка как таковая играет в американских электоральных кампаниях далеко вторичную роль. Но проводившаяся представителями MAGA-движения и некоторыми другими политическими группами связь между расточительной международной деятельностью и внутренним благосостоянием явно находила отклик у многих граждан. Теперь, на фоне ближневосточных проблем, этот отклик станет еще сильнее. Запрос на внешнеполитическую сдержанность и сосредоточенность вместо претензий на глобальное доминирование будет только расти. Он продолжит формировать восприятие национального интереса, что придется принимать во внимание и республиканцам, и демократам.

> Разумеется, не стоит ожидать, что все это моментально приведет к общеамериканскому консенсусу по поводу новой модели сфокусированной и нерасточительной внешней политики. Однако на фоне иранской войны этот вектор мысли однозначно усиливается. И его проявления весь мир теперь будет долго наблюдать в самых различных вопросах.

Таким образом, с некоторой долей иронии можно констатировать, что Трамп ценой собственных рейтингов и внешнеполитических проблем в итоге прокладывает дорогу к MAGA-идеалам, на которых и строил свои избирательные кампании перед обоими взлетами в президентское кресло.

Евгений Прейгерман
Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»